

БЕЛОВАЯ РУКОПИСЬ РАССКАЗА «НЕВЕСТА»

Статья и публикация Е. Н. Коншиной

Беловая рукопись рассказа Чехова «Невеста» поступила в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина весной 1957 г. как дар Бориса Петровича Сацердотова, кандидата биологических наук, доцента по кафедре ботаники Пензенского Государственного Педагогического института. Рукопись была найдена им в Петрограде, в 1917/1918 г., в бытность его студентом Петроградского лесного института, под переплетом одной из книг по его специальности, купленных на рынке.

Конверт с оттиском штампа «Журнал для всех», в котором лежала рукопись Чехова, и приобретенная одновременно книга рассказов Леонида Андреева с дарственной надписью автора Виктору Сергеевичу Миролюбову, редактору «Журнала для всех», свидетельствовали, что и книга и рукопись попали на рынок из одного источника, т. е. из архива В. С. Миролюбова.

Сацердотов, пензяк по происхождению, вскоре вернулся в Пензу. Он бережно хранил рукопись «Невесты» и очень дорожил ею, будучи поклонником творчества Чехова, но был далек от мысли о крупном значении приобретенной им рукописи. Только прочитав в комментариях к рассказу в собрании сочинений Чехова, что беловая рукопись «Невесты» отсутствует в фонде Чехова, он сообщил Марии Павловне Чеховой о своем желании прислать ей хранящуюся у него рукопись, предоставляя ей право поступать с ней в дальнейшем так, как она найдет нужным. М. П. Чехова поручила составить ответное письмо ему с выражением благодарности и с указанием, что рукопись будет переслана ею в Библиотеку имени В. И. Ленина, где хранится весь принадлежавший ей архив писателя. Скоропостижная смерть М. П. Чеховой не дала ей возможности лично подписать заготовленный ответ, он был отправлен Б. П. Сацердотову новым директором ялтинского Дома-музея Чехова. Но все было выполнено в дальнейшем по желанию Марии Павловны, и через некоторое время автограф «Невесты» был доставлен в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (история поступления этого автографа в Рукописный отдел подробно изложена нами в «Записках Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 20. М., 1958).

Несомненно, что находкой Б. П. Сацердотова была та самая рукопись, о которой Чехов писал В. С. Миролюбову 20 февраля 1903 г.: «Рассказ уже готов. Переписывать я буду его и исправлять при этом дней пять; стало быть 25 февраля вышло вам, а вы получите 2 марта» (XX, 51); затем 23 февраля: «... три дня я был нездоров, не писал вовсе; только сегодня начну как следует переписывать. Работаю вообще туго; но уверяю вас честным словом, рассказ давно уж готов, остановка только за перепиской» (XX, 54); и наконец 27 февраля: «... на два дня надул вас: кончил не 25, как писал, а только вечером 27-го <...> Корректуру пришлите, ибо надо исправить и сделать конец. Концы я всегда в корректуре делаю» (XX, 59).

Рукопись представляет собою перебеленный автограф Чехова, имеющий, однако, ряд его собственноручных исправлений — зачеркнутых мест и надписанных или переставленных слов.

Рассказ написан на двадцати шести полулистках разорванной по продольному сгибу почтовой бумаги, пожелтевшей от времени. Текст расположен только на одной

стороне листов. На первом листке — заглавие «Невеста», на последнем, под текстом — четкая подпись «Антон Чехов». В верхнем правом углу первого листа имеется надпись карандашом рукою Миролюбова: «Набрать и послать корр<ектуру> Ялта Антону Павловичу Чехову».

Текст беловой рукописи «Невесты» близок к исправленному тексту черновика, но имеет немало изменений по сравнению с ним, что, естественно, соответствует цитированной выше фразе писателя: «Переписывать я буду его <рассказ> и *исправлять при этом* дней пять...» (XX, 51. Курсив наш. — Е. К.). Исправленный текст беловой рукописи, за исключением ошибок наборщика, совпадает с текстом, набранным в гранках первой корректуры.

Хотя тексты и черновика, и корректурных гранок рассказа давно уже известны исследователям творчества Чехова, находка белового автографа имеет большое значение.

Во-первых, эта рукопись представляет огромную ценность как *новый автограф* Чехова, к тому же автограф его *художественного произведения*. Таких автографов в его рукописном наследии сохранилось очень мало.

Во-вторых, появление этой рукописи прибавило еще одно звено в цепи последовательных этапов творческой работы над рассказом «Невеста». Надо иметь в виду, что данный рассказ является теперь единственным из произведений Чехова, к которому сохранились рукописи, отражающие почти все этапы его создания:

1) черновой автограф, в котором легко установить редакции первоначальную и исправленную (ЛБ, ф. 331.1/14); он был дважды полностью опубликован: в «Сборнике II Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (М., 1929, стр. 31 — 60) и в Полном собрании сочинений и писем Чехова (IX, 505—527);

2) беловой автограф с исправлениями, публикуемый ниже (ЛБ, ф. 331.79/1);

3 и 4) гранки первой и второй корректуры «Журнала для всех», 1903, № 12, с очень большой авторской правкой, о которой Чехов предупреждал Миролюбова в письме от 27 февраля 1903 г. (ИРЛИ, ф. Миролюбова; использованы в комментарии к рассказу «Невеста», — IX, 641—678).

Сохранились еще отдельные наброски и заметки к концу рассказа на листке, вырванном из блокнота (ЛБ, ф. 331.1/14, они опубликованы вместе с черновой рукописью). В записной книжке Чехова 1891—1904 гг. имеется также заметка, включенная в черновую и беловую рукописи, но вычеркнутая в корректуре, — слова, будто бы сказанные Бисмарком, о русском народе: «Медленно запрягать, но быстро ездить. — в характере этого народа» (XII, 263). И, наконец, слово «дзига», употребленное Чеховым в обеих рукописях как прозвище, данное прислугой бабушке, и тоже выпущенное в корректуре, взято им из записи в той же записной книжке самостоятельного сюжета о надоедливом человеке (XII, 255).

Сопоставление правленного текста второй корректуры с журнальным текстом свидетельствует, что была еще третья корректура, вероятно, в верстке, тоже выправленная автором, но не дошедшая до нас. Текст ее легко установить, — правленный текст второй корректуры соответствует набранному тексту третьей корректуры, а ее исправления вошли в журнальный текст.

Сверка всех последовательных текстов рассказа, включая и тексты беловой рукописи и третьей корректуры (установленные по косвенным показателям), произведена И. С. Ежовым в комментариях к «Невесте» (IX, 617—678).

Несмотря на то, что текст беловой рукописи мог быть реконструирован, факт ее находки важен, в-третьих, еще и потому, что только подлинная авторская рукопись до конца раскрывает процесс творческой работы писателя. Наиболее показательными бывают в этом отношении черновые рукописи. Но и собственноручная переписка автором своего произведения набело обычно не обходится без переработки.

Во вступительной статье к первой публикации черновой рукописи нами были указаны основные приемы работы Чехова (см. «Сборник» II. — Цит. изд., стр. 27—30). В работе над беловой рукописью они остались в основе теми же. Здесь нет работы над сюжетом, сюжетная схема в своих главных линиях была выношена автором и ясна ему до начала писания. Поэтому, и приступая впервые к работе над новым рассказом, и от-

делывая его в последний—шестой или седьмой раз в последней корректуре, он не меняет этой схемы.

Не вносит Чехов изменений и в архитектуру рассказа. От черновой редакции до окончательной рассказ делится на шесть глав, и каждая из них на всем протяжении работы над произведением сохраняет вложенное в нее содержание, четко деля фабулу. В первой главе изображен вечер в доме Шуминых и дана экспозиция всех действующих лиц и их взаимоотношений. Центром главы является разговор Саши с Надей, в котором он старается разбудить в ней критическое отношение к окружающему. Во второй главе — бессонная ночь Нади, бродящие в ее голове беспокойные, но еще неясные мысли, следующий день полной праздности, второй разговор с Сашей, вечер, похожий на вчерашний и на все предыдущие, и вторая бессонная ночь Нади. В третьей — вершина призрачного благополучия и пошлости — шитье приданого Нади, осмотр с женихом нового дома, приготовляемого для молодоженов, и снова вечер с собирающимися гостями. Четвертая глава — новая тревожная ночь. Напряженное душевное состояние Нади достигает предела. Попытка Нади найти выход из невыносимого для нее положения в обращении к матери терпит неудачу, и это толкает Надю на решение бросить все и уехать из дому. Саша с радостью поддерживает ее и берется довезти ее до Москвы. В пятой главе — отъезд Нади под видом проводов Саши на вокзал. В шестой — беглый рассказ о Наде в Петербурге на курсах, ее поездка на летние каникулы в родной город, попутное свидание в Москве с Сашей, встреча с родными, быстрое утомление от пошлости провинциальной жизни, весть о смерти Саши и отъезд навсегда из ставшего ей чужим города.

Четыре первых главы и большая часть пятой дошли в своих основных чертах без перемен от черновика до последней редакции.

Конец пятой главы в беловой рукописи был переработан по сравнению с черновиком. Иначе была описана поездка Нади и Саши, его поведение в вагоне, разговоры с пассажирами и расставание их в Москве. Но в первой же корректуре весь этот конец главы был опущен.

Шестая глава почти без изменений фабулы перешла из черновика в беловую рукопись. В обеих рукописях она начинается приездом матери Нади в Петербург, сходно описывается свидание Нади с Сашей в Москве и домашняя жизнь Нади с посещениями Андрея Андреевича, его неизменной скрипкой, его безнадежной любовью к Наде и просьбами не лишать его надежды. В первой же корректуре начальная сцена (Нина Ивановна в Петербурге) была вычеркнута и внесена в виде краткого рассказа Нади об этом при встрече с Сашей в Москве. Во второй корректуре и этот рассказ сокращается, а слова о том, как перенесла бабушка тайный отъезд Нади, переносятся в разговор Нади с матерью уже при их встрече дома. Исчезает в первой же корректуре и текст о посещении Андреем Андреевичем дома бабушки после отъезда Нади.

Других сдвигов и изменений в отдельных эпизодах повествования на всем протяжении работы Чехова над рассказом не наблюдается.

Интересно, однако, отметить, что слова Саши, сделавшиеся в окончательной редакции центральными для основной идеи рассказа, — слова о том, что главное — это «перевернуть жизнь», — вводятся Чеховым только во второй корректуре: «Когда перевернете вашу жизнь, то все изменится. Главное перевернуть жизнь, а все остальное не важно», — говорит Саша в конце четвертой главы, в последнем решающем разговоре с Надей. В первой корректуре только в конце шестой главы была намечена эта мысль в беглом упоминании о размышлениях Нади перед окончательным отъездом из города: «Настоящее, как казалось ей, уже перевернуто вверх дном, беспокойство останется до конца дней, что бы там ни было, куда бы судьба ни занесла...» При чтении второй корректуры эта фраза была Чеховым вычеркнута и заменена словами: «Она ясно сознавала, что жизнь ее перевернута, как хотел того Саша...» Добавлена во второй корректуре, в московском разговоре Саши с Надей (в его рассказе о жене приятеля, с которым он собирался ехать на Волгу), фраза: «Хочу, чтоб жизнь свою перевернула».

Говоря о неизменности сюжетной схемы рассказа, начиная с черновой редакции до окончательной, нельзя не упомянуть об эпизоде, приводимом в воспоминаниях Вересаева. Он рассказывает, что ему довелось слушать чтение Чеховым «Невесты»

в корректуре. Он вынес впечатление, что автор намекает на уход Нади в революцию. С точки зрения Вересаева это было обрисовано неудачно, и он откровенно высказал свое мнение: «Не так девушки уходят в революцию. А такие девицы, как ваша Надя, в революцию не идут». Чехов ответил ему на это: «Туда разные бывают пути» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 528).

Излагая далее этот эпизод, Вересаев рассказывает, что, перечитывая «Невесту» много позднее, он с изумлением нашел, что для вывода об уходе Нади в революцию рассказ не содержит никаких данных и что сама Надя представляет собой всего лишь «типичную безвольную чеховскую девушку». Естественно возникший у него недоуменный вопрос: «В чем тут дело? Я ли напутал или Чехов переработал рассказ?» Вересаев пытается разрешить предположением, что при сравнительном изучении корректуры рассказа с его окончательным текстом возможно обнаружатся следы его переделки Чеховым. Это свое предположение Вересаев основывает на словах из полученного им письма Чехова: «Рассказ „Невеста“ искромсал и переделал в корректуре» (там же).

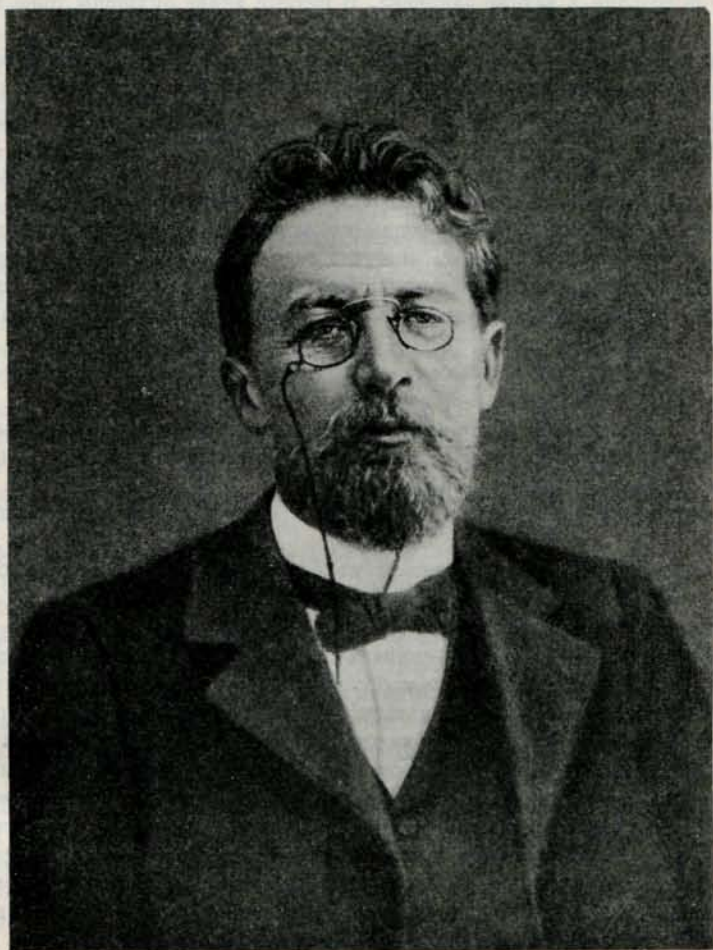
Как видно из доступных теперь исследователям обеих корректур «Невесты», предположение Вересаева ими не подтверждается: ни в одной из них нет варианта с *прямым указанием* на уход Нади в революцию, да этого и нельзя было ждать в 1903 г. в рассказе, предназначенном для подцензурного журнала. И тем не менее первое восприятие Вересаевым рассказа было исторически оправданным и естественным в такой же мере, в какой неоправданным и неисторичным было его толкование «Невесты» через 25 лет, т. е. в конце 20-х годов нашего века. В условиях приближения революционного взрыва 1905 г., когда все явственнее обозначался рост недовольства народных масс и их готовность выступить на борьбу за свои права, когда революционное брожение охватило широкие массы учащейся молодежи, рассказ Чехова должен был восприниматься и воспринимался передовым читателем, особенно молодежью, как предвестие той «новой, ясной жизни, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным». На это наталкивала читателя прежде всего сама тема ухода героини из семьи, ее поступления на курсы — ведь для многих девушек той поры уход на курсы бывал первым этапом на пути в революцию. Кроме того, многие места в рассказе легко могли тогда восприниматься как намеки на будущую революцию и на преображенную революцией жизнь (например, мысль о том, что надо «перевернуть жизнь», мечты Нади, что впереди для нее «разворачивалось громадное будущее» и др.).

В текстах обеих корректур, по одной из которых рассказ был прочитан Чеховым Горькому и Вересаеву, таких намеков, дающих право понять судьбу Нади как уход в революцию, было больше. Так, в четвертой главе Саша убеждал Надю, что «надо идти за меньшинством»; в шестой главе, во время последней встречи в Москве, он говорил еще определеннее: «Ну, пусть вы будете жертвой, но ведь так надо, без жертв нельзя, без нижней ступени лестницы не бывает. За то внуки и правнуки скажут вам спасибо!». Упомянув о приятеле, с которым он собирался поехать на Волгу, Саша говорил о своих спорах с ним: «Говоришь ему, положим, что мне хочется есть, что я оскорблен глубоко, задавлен насилием, что мы вырождаемся, а он мне в ответ на это толкует о великом инквизиторе, о Зосиме, о настроениях мистических...» При исправлении второй корректуры Чехов вычеркнул все эти места. Но и без них его рассказ звучал как призыв к «новой жизни», свободной и прекрасной.

Сохраняя неизменными сюжетную схему и основные линии развития фабулы, Чехов много и кропотливо работал на каждом этапе над художественной тканью рассказа, исправляя и изменяя мелкие детали содержания, строг фразы, добиваясь ее живописующей четкости и музыкального звучания. Отсюда те бесчисленные исправления, которые мы находим и в черновой, и в перебеленной рукописи, и в обеих корректурах, широчайшие поля которых местами сплошь заполнены, но не цельными кусками, заменяющими одно место другим, а филигранной выправкой отдельных слов, влекущих за собою иное синтаксическое построение.

В белой рукописи опущено многое, что есть в черновой, причем одни места Чехов просто опускал при переписке, сразу отказываясь от них, другие он переносил в беловой текст, а потом вычеркивал. Поскольку все вычеркнутые места приводятся

ниже, в подстрочных примечаниях к публикации автографа, нет нужды перечислять их здесь. Но на одно из этих мест обратим внимание. В третьей главе белой рукописи вычеркнута фраза, перенесенная из черновой, о том, как Надя при осмотре новой квартиры «замечала только, что у жениха очень мягкие руки с короткими пальцами, что на нем очень новые, хорошо выглаженные брюки». В первой корректуре Чехов

ЧЕХОВ

Рисунок И. К. Крайтора, 1902—1904 гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Воспроизводится в фотогелиографуры

снова вносит характеристику рук жениха, но прямо противоположную, которая вошла в окончательную редакцию: «и его рука, обнимавшая ее талию, казалась ей жесткой и холодной как обруч».

Из опущенных Чеховым мест в первой главе хочется обратить внимание на мысли Нади об отце, которого она почти не помнила. В день, с которого начинается рассказ, он упорно вспоминался ей, как он носил ее на руках, при мыслях о свадьбе он тотчас приходил на память, и она все думала: «Если бы он был жив!» В первой же главе опущены некоторые подробности о матери Саши.

Во второй главе опущены слова о том, что уговоры Саши не надоедали Наде, несмотря на то, что они продолжались уже несколько лет, только потому, что ей бывало

до слез жаль Сашу; опущены некоторые подробности в описании утра Нади и Нины Ивановны, гуляющих в саду.

В главах третьей и четвертой опущены очень мелкие детали, в пятой главе — речь Саши в вагоне: «Надо работать,— говорил он.— Должен ли человек вообще что-нибудь свершить, это мне неизвестно, но что он должен работать, чтобы не есть чужого хлеба и не заедать чужого века, это для меня не подлежит сомнению». Остальная часть описания его поведения в вагоне заменена. В шестой главе опущены тоже только мелкие.

Что касается наборного текста первой корректуры, то он не идентичен белой рукописи, в нем имеется несколько расхождений. Это странно, так как рукопись должна была стать наборной, как это можно заключить по приведенной выше редакторской надписи, сделанной на ее первом листе. Других признаков, характерных для наборных рукописей, на ней нет — ни следов типографской краски, ни разметок для наборщика, ни его фамилии. Расхождения немногочисленны, и бросается в глаза, что большею частью заменяющие слова сходны по начертанию со своим оригиналом, что замены в сущности являются словами, прочтенными неверно, хотя и осмысленно, т. е. что они шли не от автора, а от наборщика, читавшего неправильно, но... при чтении корректуры автором были не замечены или приняты им и вошли в окончательную редакцию. Вот основные из них:

Во второй главе при описании сада — в рукописи: «На *дальних* деревьях кричат сонные грачи», в корректуре: «На *далеких* деревьях»;

в рукописи: «Закашлял *густым* басом Саша», в корректуре: «*грубым* басом»;

в рукописи: «толпы в том смысле, в каком она *есть* теперь, тогда не будет», в корректуре: «*еще* теперь».

В главе третьей бабушка Саше — в рукописи: «Хотел ведь у нас до сентября *пожить*», в корректуре: «*прожить*»;

Андрей Андреевич при осмотре новой квартиры — в рукописи: «Каково?— сказал он и *засмеялся*», в корректуре: «*рассмеялся*».

В главе четвертой Нина Ивановна Наде во время ночного разговора — в рукописи: «Ты и твоя бабка мучаете меня!—сказала она *вспыхну*», в корректуре: «*всхлипну*».

Подобным ошибочным прочтением наборщика следует, вероятно, объяснить единственный случай расхождения журнального текста «Невесты» с текстом первого Полного собрания сочинений в томе XI и вследствие этого во всех последующих изданиях. В приведенных выше центральных словах Саши о необходимости перевернуть жизнь Чеховым в правке второй корректуры вписано: «а все остальное *не важно*» (курсив наш. — Е. К.). Так дано в журнальном тексте, в Полном же собрании сочинений вместо этого стоит: «*не нужно*». По смыслу должно быть именно «не важно», потому что «перевернутая» жизнь делает нужными много других изменений, но они придут сами по себе, вызванные новым направлением. Сказанным, разумеется, не исчерпывается материал белой рукописи, позволяющей судить о творческой работе Чехова над его последним рассказом. Но для полного анализа этой работы необходимо привлечь все имеющиеся рукописи и корректуры рассказа, что должно быть предметом самостоятельного исследования.

* * *

Ниже мы полностью публикуем выправленный текст белой рукописи. Все зачеркнутые в ней места вынесены в подстрочные примечания. Если в тексте зачеркнутых мест имеются поправки и несколько слоев исправлений, то первоначально зачеркнутые слова мы даем в квадратных скобках []. Добавленные части слов даются в угловых ломаных скобках < >.

Неразобранные слова отмечаются в ломаных угловых скобках <нрзбр.> с указанием, если возможно, сколько слов или строк остались неразобранными.

В орфографии и пунктуации Чехова имеются некоторые особенности, систематически соблюдаемые в его письмах и рукописях. Так, он всегда пишет: «ушол», «пришол» и т. п.; многоточие всегда обозначает не тремя, а двумя точками («. .»). В публикации «Невесты», как и других текстов Чехова в настоящем томе, эти особенности не соблюдаются.

НЕ В Е С Т А

I

— Ступай навверх скорей, там дзыга зовет! — крикнула горничная со злобой.

Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как хлопали дверью на блоке; в саду около дома пахло жареной индейкой. Было уже часов десять вечера, и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно было, как в зале накрывали стол для закуски, как в своем пышном шелковом платье суетилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно слушал.

В саду было тихо, прохладно, и темные покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть, за городом, кричали лягушки. Чувствовался май, милый^а май! И так хотелось думать, что здесь, под небом, над деревьями и далеко за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию грешного человека.

Надя думала: ей уже 23 года, с 16 лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь, наконец, она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном; он ей нравился, и свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, и веселье пропало... Почему-то все представлялось теперь таким неясным, неполным! Отчего? Почему?

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце; это Александр Тимофеич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы дней десять назад. Когда-то давно к бабушке хаживала за подаяньем ее дальняя родственница Марья Петровна, обедневшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая, больная, которая постоянно сердилась, всех презирала и умерла, как говорили, от раздражения^б. У нее был сын Саша. Почему-то про него говорили, что если бы учить его живописи, то из него вышел бы прекрасный художник, и бабушка ради спасения души отправила сироту в Москву в Комиссаровское училище; года через два перешел он в Училище живописи, пробыл здесь лет десять и кончил по архитектурному отделению с грехом пополам, но архитектурой все-таки не занимался, а служил в одной из московских литографий^в. Почти каждое лето приезжал он к бабушке^г, чтобы отдохнуть и поправиться^д. На нем^е был черный застегнутый шюртук и поношенные парусиновые брюки, стоптанные внизу. И сорочка была неглаженная^ж, и весь он имел какой-то не свежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными худыми пальцами, бородатый, темный. К Шуминым он относился, как к родным, и у них чувствовал себя, как дома. И комната, в которой он жил здесь, называлась Сашиной комнатой.

Стоя на крыльце, он увидел Надю и пошел к ней.

^а Далее вычеркнуто: месяц

^б Вместо зачеркнутого слова: злости.

^в Далее вычеркнуто: и [дома] рисовал у себя дома образцы для обоев

^г Далее вычеркнуто: очень большой

^д Вычеркнуты начальные слова: И теперь

^е Далее вычеркнуто: так же, как в прошлые годы

^ж Далее вычеркнуто: неаккуратная

— Хорошо у вас здесь, — проговорил он, стоя возле Нади. — Пожил у вас с неделю, а уже чувствую — силы прибавилось!

— И чудесно. Но ведь вы сбежите, Саша!^а Вам бы здесь до осени пожить.

— Да, должно, так придется. Пожалуй, до сентября у вас проживу. Хорошо у вас тут, славно.

Он засмеялся без причины и сел рядом.

— А я вот сижу и смотрю отсюда на маму, — сказала Надя. — Она кажется отсюда такой молодой! Да и на самом деле она еще молода. У моей мамы, конечно, есть слабости, но все же она необыкновенная женщина.

— Да, хорошая... — согласился Саша. — Каждому человеку его мать кажется необыкновенной. — Он подумал и продолжал: — Ваша мама по-своему, конечно, и очень добрая, и милая женщина, но... как вам сказать? Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы, грязь... То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены. Ну, бабушка, бог с ней, на то она и бабушка, а ведь мама небось^б по-французски говорит, в спектаклях участвует!

Когда Саша говорил, но вытягивал перед слушателем два длинных, тощих пальца^в.

— Мне все это как-то дико с непривычки, — продолжал он. — Ни-на Ивановна, бабушка и вы не делаете решительно ничего. И жених Андрей Андреич тоже ничего не делает. Он хороший человек, славный, спора нет, и умный там, что ли, только чем он занимается, никак не пойму.

Надя слышала это и в прошлом году и^г знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это^д было только смешно, но почему-то ей стало неприятно и скучно. Да и холодно было^е.

Оба встали и пошли к дому. Она высокая, красивая, стройная казалась теперь рядом с ним очень здоровой и нарядной, она чувствовала это и ей было^ж жаль его^з и почему-то неловко.

— Очевидно, моего Андрея вы не знаете, — сказала она, чтобы продолжить разговор.

— Моего Андрея... А мне вот молодости вашей жалко!

Вошли в зал; там уже садились ужинать^и.

Бабушка, или, как ее называли в доме, бабуля, очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко и уже по ее голосу и манере говорить было заметно, что она здесь старшая в доме. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и с садом, но она каждое утро молилась, чтобы бог спас ее от разоренья, и при этом плакала. И ее невестка, мать Нади, Нина Ивановна, белокурая, сильно зятая, в рinсе-пез и с бриллиантами на каждом пальце; и отец Андрей, старик, худощавый, беззубый и с таким выражением, будто собирался

^а Далее вычеркнуто: наверное сбежите

^б Далее вычеркнуто: молодая

^в Далее вычеркнуто: и глаза его не мигали, и говорил он убедительно тихим баском.

^г Далее вычеркнуто: она

^д Далее вычеркнуто: только

^е Далее вычеркнуты два абзаца: Внизу в кухне гулко зазвенели тарелки, должно быть уронила горничная или нянька.

— Ну-у! — проговорил Саша и засмеялся.

^ж Вместо вычеркнутого: вдруг стало

^з Далее вычеркнуто: так жаль, что даже захотелось плакать.

^и Далее вычеркнут абзац: — В молодые годы учиться нужно, — проговорил Саша тихо, садясь с Надей за стол. — Учиться нужно бы. В Петербург бы вам!

рассказать что-то очень смешное; и его сын Андрей Андреич, жених Нади, 33 лет, полный и красивый, с вьющимися волосами, похожий на артиста, или художника, — все трое говорили о гипнотизме^а.

— Саша, ты сколько сегодня молока выпил? — спросила бабушка громко.

— Стаканов пять выпил... — ответил Саша.

— Ты у меня в неделю поправишься, только вот кушай побольше. И на что ты похож! — вздохнула бабуля. — Страшный ты стал! Вот уж подлинно как есть блудный сын.

— Отческого дара расточив богатство, — проговорил отец Андрей медленно, со смеющимися глазами, — с бессмысленными скоты насохся окаянный...

— Люблю я своего батьку, — сказал Андрей Андреич и потрогал отца за плечо. — Славный старик. Добрый старик.

Все помолчали. Саша вдруг засмеялся и^б прижал ко рту салфетку.

— А блудный сын все смеется, — сказала бабушка и ласково поглядела на Сашу, и сама засмеялась. — Смешной ты, бог с тобой.

— Стало быть, вы верите в гипнотизм? — спросил отец Андрей у Нины Ивановны.

— Дело в том, что когда-то я очень долго занималась гипнотизмом, — ответила Нина Ивановна, придавая своему лицу очень серьезное, даже строгое выражение, — и не могу, конечно, утверждать, что я верю, но должна сознаться, что в природе есть много таинственного и непонятного.

— Совершенно с вами согласен, хотя должен прибавить от себя, что вера значительно сокращает нам область таинственного.

Подали большую, очень жирную индейку. Отец Андрей и Нина Ивановна продолжали свой разговор. У Нины Ивановны блеснули бриллианты на пальцах, потом на глазах заблестели слезы, она заволновалась.

— Хотя я и не смею спорить с вами, — сказала она, — но согласитесь, в жизни так много неразрешимых загадок!

— Ни одной, смею вас уверить.

Бабушка вздохнула и сказала громко:

— Вы говорите, а я ничего не понимаю!

После ужина Андрей Андреич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояли. Он десять лет назад кончил в университете по филологическому факультету, но нигде не служил, определенного дела не имел и лишь изредка принимал участие в концертах с благотворительной целью; и в городе называли его артистом.

Андрей Андреич играл, все слушали, молча. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай. Потом, когда пробило двенадцать, лопнула вдруг струна на скрипке; все засмеялись, засуетились, стали прощаться. Андрей Андреич, взволнованный, грустный от музыки, надевши в передней пальто, поцеловал у Нади обе руки и хотел обнять ее, сказать ей, как он ее любит, но в передней находился отец Андрей, вошла горничная...^в

Проводив жениха, Надя^г пошла к себе наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка). Внизу в зале стали тушить огни, а Саша все еще сидел и пил чай. Пил он чай всегда подолгу, по-московски, ста-

^а Далее вычеркнуто: Были за столом еще две дамы-гости <?> и дьякон.

^б Далее вычеркнуто: чтобы не расхохотаться громко

^в Далее вычеркнуто начало абзаца: — До завтра! сказал он. Потом <?>

^г Далее вычеркнуто: пошла к себе <?> [Надя] и, проходя [мимо Саши] через залу, пожелала [ему] Саше спокойной ночи.

— В молодые годы, светлые <?> годы учиться нужно! — сказал он хмурясь. — Да... В Петербург вам нужно.

Она

канов по семи в один раз. Наде, когда она разделась и легла в постель, долго еще было слышно, как внизу убирала прислуга, как сердилась бабуля. Наконец все затихло и только слышалось изредка, как в своей комнате внизу покашливал басом Саша.

II

Когда Надя проснулась, было, должно быть, часа два, начинался рассвет. Где-то далеко стучал сторож. Спать не хотелось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и, обняв колени, склонив на них голову, стала думать, думать... А мысли были все те же, что и в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые, мысли о том, как Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение^а... Она согласилась и^б оценила этого красивого, доброго, умного человека. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх и беспокойство. Если бы отложили свадьбу до осени или даже до зимы! Тогда бы она имела бы время все обдумать...^в

— Тик-ток, тик-ток... — лениво стучал сторож. — Тик-ток...

В большое старое окно виден сад, дальние кусты густо цветущей сирени, сонной и вялой от холода; и туман белый, густой тихо подпльывает к сирени, хочет закрыть ее. На дальних деревьях кричат сонные грачи.

— Боже мой, отчего мне так тяжело!

Быть может, то же самое испытывает перед свадьбой каждая невеста. Кто знает! Или тут влияние Саши, и все это, быть может, оттого, что он постоянно говорит против замужества и отзывается об Андрее всякий раз так небрежно. Но ведь Саша уже несколько лет подряд говорит все одно и то же, а когда говорит, то кажется чудачком, оригиналом...

Сторож уже давно не стучит. Под окном и в саду зашумели птицы, туман ушел из сада, все кругом озарилось весенним светом, точно молодой улыбкой. Скоро весь сад, согретый солнцем, обласканный, ожил, и капли росы, как алмазы, засверкали на листьях; и старый, давно запущенный сад в это утро казался таким молодым, нарядным^г.

Уже проснулась бабуля. Точно ручей шумел внизу: это по обыкновению старуха ворчала на прислугу. Закашлял густым басом Саша. Слышно было, как внизу подали самовар, как двигали стульями, как горничная быстро прошла мимо комнаты Нади, босая, и проговорила сердито, плачущим голосом:

— А чтоб тебе, дзыга окаянная...

Как медленно идут часы! Надя давно уже встала и давно уже гуляла в саду, а все еще тянется утро. И какое лукавство^д, какой обман в этих томительно длинных часах, бесконечных утрах, когда на твоих же глазах с изумительной быстротой проносятся недели, месяцы, годы!

А вот^е Нина Ивановна, заплаканная, со стаканом минеральной воды. Какая это удивительная женщина!.. Она занималась спиритизмом, гомео-

^а Далее вычеркнуто: как раз в то время, когда она уже считала себя старой девой, и уже стала терять надежду — ведь ей 23 года!

^б Далее вычеркнуто: ма <?>

^в Далее вычеркнуто: и, пожалуй, еще сильней полюбила бы жениха.

^г Далее вычеркнут абзац: А Надя все сидела в постели тревожная, точно больная. Все бы, казалось ей, было хорошо, благополучно, да что-то очень важное было недосказано, что-то еще недоделано, не приготовлено, а что именно, она боялась, не хотела думать.

Внизу

^д Далее вычеркнуто одно неразобранное слово.

^е Далее вычеркнуто: гуляет по саду

патией, читала книги весь день, даже за обедом^а, часто спорила о пользе театров и раз даже принимала участие в спектакле, после которого тяжело дышала всю ночь и потом весь день. Любила она говорить о сомнениях, которым была подвержена, и от нее часто слышали фразу:

— Нас убивает религиозный индифферентизм!

И эти слова, казалось Наде, заключали в себе глубокий, таинственный смысл. Теперь Надя поцеловала мать и пошла с ней рядом.

— О чем ты плакала, мама? — спросила она.

— Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается старик и его дочь. Старик служит где-то в присутственном месте, ну и в дочь его влюбился начальник. Я не дочитала, но там есть такое одно место, что трудно было удержаться от слез, — сказала Нина Ивановна и отхлебнула^б из стакана^в. Сегодня утром вспомнила и тоже всплакнула.

— Милая мама, отчего мне все эти дни так невесело? — спросила Надя. — Отчего я не сплю по ночам?

— А когда я не сплю ночью, то закрываю глаза крепко-крепко и рисую себе Анну Каренину, как она ходит и говорит, или рисую Лаврецкого, или кого-нибудь из истории...

Наде стало досадно, тоскливо^г, она почувствовала, что мать не понимает ее и не может понять^д, но тотчас же она обняла мать, и обе пошли в дом и сели за рояль играть в четыре руки.

В два часа сели обедать^ж. Была среда, день постный, и потому бабушке подали постный борщ^з, Нине Ивановне, которая всегда лечилась, подали бульон, Саше и Наде — скромный рассольник.

— Наш город, говорили, губернией хотят сделать, — сказала бабушка.

— Да, ваш город хотят столицей сделать! — усмехнулся Саша. — Великолепный город! Ни одной лавочки нет, где бы не обвешивали, ни одного нет чиновника, который не облысел бы преждевременно от картежной игры и от водки. На улицах грязь, пыль, вонь. Взаимы берут — не отдадут, книги зачитывают^и... Кканальи!

— Замолол и сам не знает про что, — вздохнула бабушка; она любила Сашу и жалела, но подозревала, что он в Москве и выпивал, и в карты играл^к, отчего и был болен, и о чем бы он ни говорил, всякий раз вздыхала^л.

— Город мертвый, люди в нем мертвые, — продолжал Саша, — и если бы, положим, он провалился, то об этом было бы напечатано в газетах всего три строчки и никто бы не пожалел.

— Ешь! — крикнула бабушка.

Наступило молчание. Бабушке подали леща, начиненного кашей, остальным — соус из курицы.

^а Далее вычеркнуто: была любительницей театров, концертов, благотворительных балов

^б Слово отхлебнула написано в рукописи дважды и первое вычеркнуто

^в Далее вычеркнуто: который держала в руках

^г Далее вычеркнуто: лежу неподвижно

^д Далее вычеркнуто вторично вписанное слово: досадно

^е Далее вычеркнуто: и вдруг сама прижала [мать] ее;

^ж Вычеркнуты первые слова фразы: Так как

^з Далее вычеркнуто: запах которого потом стоял во всех комнатах до самого вечера

^и Далее вычеркнуто: А послушай этих господ в клубе или на именинах где-нибудь, так только и разговор, что о пессимизме, о том, что жизнь не дает им ничего радостного, светлого. Кканальи!

^к Далее вычеркнуто: и вел себя вообще нехорошо.

^л Далее вычеркнуто: Ты, блудный сын, ел бы, — сказала она.

— Отсталый город, — заговорил Саша опять. — Бисмарк сказал: медленно запрягать, но быстро ездить — в характере русского народа. А город этот, по правде сказать, только еще собирается запрягать.

Чтобы подразнить бабушку, Саша ел и постный борщ, и леща. Он шутил, но шутки у него выходили громоздкие, непременно с расчетом на мораль, и выходило совсем не смешно, когда он перед тем, как состричь, поднимал вверх свои очень длинные, исхудалые, точно мертвые пальцы, и когда приходило на мысль, что он очень болен и, пожалуй, недолго еще протянет на этом свете. Становилось не по себе, когда он, рассказывая что-нибудь смешное, начинал хотеть до слез, но мало-помалу смех заражал, и слушатели его тоже начинали смеяться.

После обеда бабушка ушла к себе в комнату отдыхать, Нина Ивановна недолго поиграла на рояли и потом трже ушла.

— Ах, милая Надя, — начал Саша свой обычный послеобеденный разговор, — если б вы послушались меня и поехали учиться! Если бы! Только просвещенные и святые люди интересны и нужны; остальные же^а толпа, стадо^б. Наше дело стараться изо всех сил, чтобы число таких людей росло и росло, авось и настанет когда-нибудь царствие божие на земле. А что ж? От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне, все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству, и — кто знает? — будут тогда здесь, быть может, громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, чудесные люди... Бедных, больных, жалких тогда не будет вовсе, потому что среди много знающих искренних людей их не должно быть. Но главное не это. Главное то, что толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, тогда не будет. Милая, голубушка, поезжайте! Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам! Покажите это хотя себе самой!

— Нельзя, Саша. Я выхожу замуж.

— Э, полно! Кому это нужно!

Вышли в сад, прошлись немного.

— И, как бы там ни было, надо работать, надо делать что-нибудь, продолжал Саша. — Так нельзя. Если вы ничего не делаете, то, значит, на вас работает кто-то другой, вы заедаете чужой век! Как не понять этого!

Перед вечером пришел Андрей Андреич и долго играл на скрипке. Он был неразговорчив и любил скрипку, быть может, потому, что во время игры можно было молчать. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать ее лицо, плечи, руки^в.

— Дорогая, милая моя, прекрасная... — бормотал он. — Если б ты только могла понять, как я счастлив! Я безумствую от восторга!

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... Наконец, он простился и вышел.^г

В зале Саша сидел у стола и пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев; бабуля раскладывала пасьянс, Нина Ивановна читала. Трещал огонек в лампадке, и все, казалось, было тихо, благополучно. Надя простилась и пошла к себе наверх, легла и тотчас же уснула. Но, как и в прошлую ночь, едва забрезжил свет, она уже проснулась. Спать не хотелось, на душе было неспокойно, тяжело. Она сидела, положив голову на колени, и думала о женихе, о том, какой^д он^е добрый, красивый,

^а Далее вычеркнуто: это

^б Слова: остальные же толпа, стадо вписаны вместо вычеркнутого; остальные же — толпы, во все века одинаковые и безразличные <1 слово нрзбр.> Наше

^в Далее вычеркнуто: Кроме его и Нади, в передней не было ни души.

^г Далее вычеркнуто: В зале Са<ша>

^д Переделано из слова: как

^е Далее вычеркнуты слова: нравится ей. Фраза первоначально составлялась из слов: как он нравится ей, а потом была переделана в другую: какой он добрый...

образованный^а, думала о свадьбе... Вспомнила она почему-то, как по утрам плачет Нина Ивановна и как от плача сводит у нее руки и ноги. И почему-то Наде вдруг стало досадно, и уж она, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в этом плаче что-то особенное, необыкновенное...^б

И Саша не спал внизу, слышно было, как он кашлял. Это человек, думала Надя, с определенными убеждениями, с определенными правилами^в, крепко уверенный в справедливости того, что он говорит; он повторяется и уже, по-видимому, стал прискучать, утомлять, и в то же время в словах его столько прекрасного^г, что едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как все сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, надежды.

— Но лучше не думать, лучше не думать... — шептала она. — Не надо думать об этом.

— Тик-ток, — стучал сторож где-то далеко, — тик-ток... тик-ток...

III

Саша как будто поздоровел и повеселел, но в середине июня^д стал вдруг скучать и засобирался в Москву.

— Не могу я жить в этом городе! — говорил он мрачно. — Ни водопровода, ни канализации. Я есть за обедом брезгаю, в кухне грязь невозможнейшая. А главное, надоело, работата надо!

— Да погоди, блудный сын! — убеждала бабушка почему-то шепотом. — Седьмого числа свадьба!

— Не желаю.

— Хотел ведь у нас до сентября пожить!

— А теперь вот не желаю. Мне работать нужно!

Лето выдалось сырое и холодное, деревья были мокрые, все в саду глядело неприветливо, уныло, хотелось в самом деле работать. В комнатах, внизу и наверху, слышались незнакомые женские голоса, стучала у бабушки швейная машина, то и дело приносили из магазинов картонки, ящики, узлы, и утомленная, встревоженная бабушка рассказывала всем, что она потеряла память; это спешили с приданым. Одних шуб за Надей давали шесть, и самая дешевая из них, по словам бабушки, стоила триста рублей! Суэта раздражала Сашу, он сидел у себя в комнате и сердился, но все же его уговорили остаться и взяли с него слово, что уедет он не раньше первого июля.

Время шло быстро. На Петров день после обеда Андрей Андреич пошел с Надей на Московскую улицу, чтобы еще раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. Дом двухэтажный, но убран был пока только верхний этаж. В зале блестящий пол, выкрашенный под паркет, венские стулья, рояль, пюпитр для скрипки... Пахло краской. На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками: нагая дама и около нее лиловая ваза с отбитой ручкой.

— Чудесная картина, — проговорил Андрей Андреич и из уважения с минуту простоял перед нею молча. — Это художника Шипмачевского...

Дальше была гостиная с круглым столом, диваном и креслами, обитыми ярко-голубой материей. Над диваном большой фотографический портрет отца Андрея в камлавке и в орденах. Потом вошли в столовую

^а Далее вычеркнуто: человек

^б Далее вычеркнуто: видела [точно священнодействие] какую-то высшую тайну, которой постичь не могла.

^в Далее вычеркнуто: не мечтающий

^г Далее вычеркнуто: чудесного, обворожительного

^д Далее вычеркнуто: он

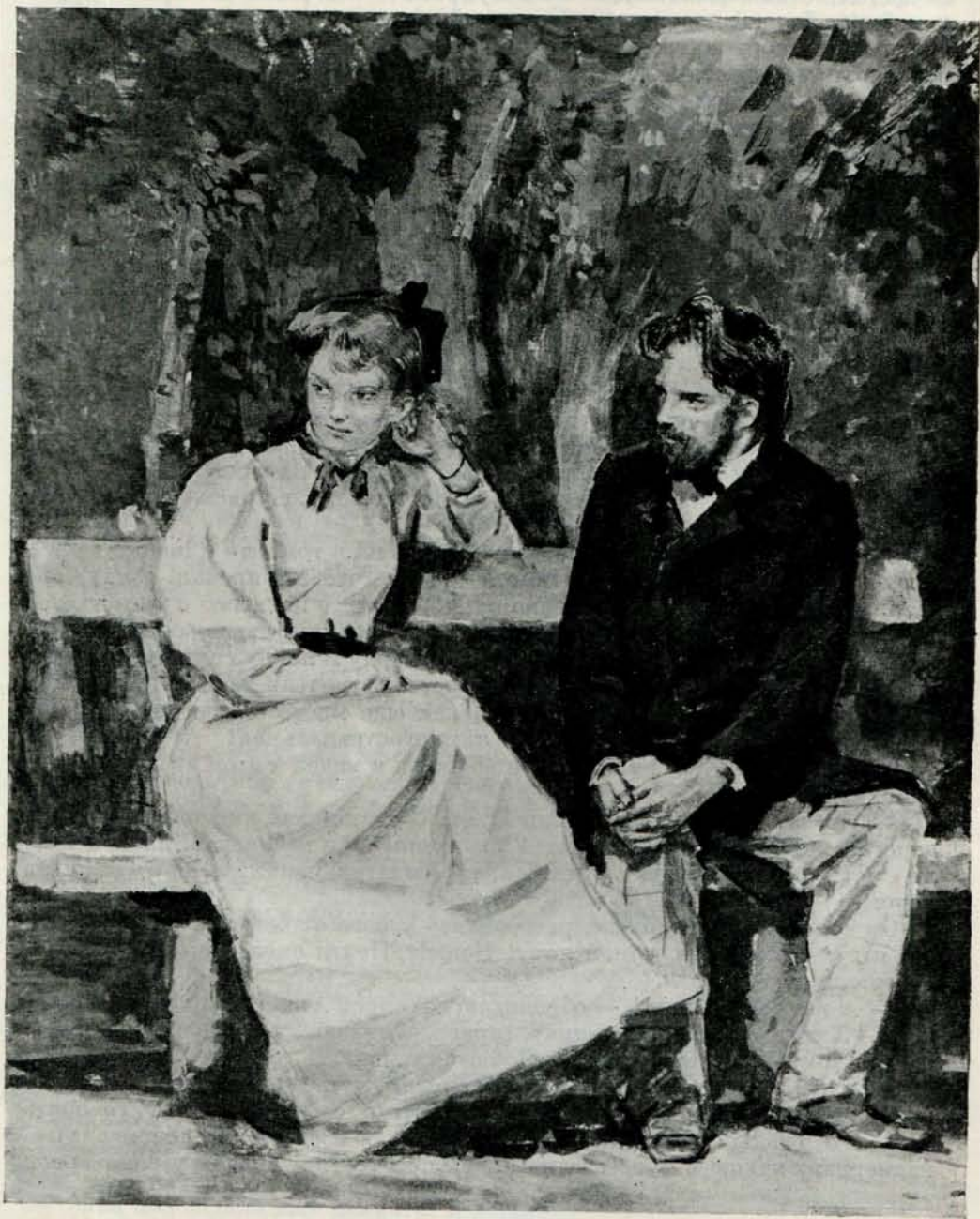

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «НЕВЕСТА»

Акварель Д. А. Дубинского, 1952—1953 гг.

Дом-музей Чехова, Москва

с буфетом, потом в спальню; здесь в полумраке стояли рядом две кровати, рукомойник, большое зеркало в блестящей раме, и похоже было, что когда обставляли спальню, то имели в виду, что всегда тут будет очень хорошо и иначе быть не может. Андрей Андреич водил Надю по комнатам и все время держал ее за талию, а она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, ее мучило от нагой дамы. Для нее уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреича или, быть может, не любила его никогда, но как это сказать, кому сказать и для чего, она не понимала и не могла понять, хотя думала об этом все дни, все ночи... Он держал ее за талию, говорил так ласково, скромно, так был счастлив, расхаживая по этой своей квартире, а она видела во всем одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость^а. И каждую минуту она готова была убежать, зарыдать, броситься в окно. Андрей Андреич привел ее в ванную и здесь дотронулся до крана, вделанного в стену, и вдруг потекла вода.

— Каково? — сказал он и засмеялся. — Я велел сделать на чердаке бак на сто ведер и вот мы с тобой теперь будем иметь воду.

Прошлись по двору, потом вышли на улицу, взяли извозчика. Пыль носилась густыми тучами и, казалось, вот-вот пойдет дождь.

— Тебе не холодно? — спросил Андрей Андреич, щурясь от пыли. Она промолчала.

— Вчера Саша, ты помнишь, упрекнул меня в том, что я ничего не делаю, — сказал он, помолчав немного. — Не то, чтобы упрекал, а так, намекал. Что ж, он прав! Бесконечно прав! Я ничего не делаю и не могу делать. Дорогая моя, отчего это? Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить? Отчего мне так не по себе, когда я вижу адвоката, или учителя латинского языка, или члена управы? О матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных, таких, как я, многострадальная!

И то, что он ничего не делал, он обобщал и видел в этом знамение времени.

— Когда женимся, — продолжал он, — то пойдем вместе в деревню, дорогая моя, будем там работать! Мы купим себе небольшой клочок земли с садом, рекой, будем трудиться, наблюдать жизнь... О, как это будет хорошо!

Он снял шляпу и волосы развеивались у него от ветра, а она слушала его и думала: «Боже, домой хочу! Боже!» Почти около самого дома они обогнали отца Андрея.

— А вот и отец идет! — обрадовался Андрей Андреич и замахал шляпой. — Люблю я своего батьку, право, — сказал он, расплачиваясь с извозчиком. — Славный старик. Добрый старик^б.

Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая, думая о том, что весь вечер будут гости, что надо занимать их^в, улыбаться, слушать музыку, говорить только о свадьбе. Бабушка важная, пышная в своем шелковом платье, надменная, какую она всегда казалась при гостях, сидела у самовара, и

^а Далее вычеркнуто: и замечала только, что у жениха очень мягкие руки с короткими пальцами, что на нем очень новые, хорошо выглаженные брюки.

^б Вычеркнуто начало абзаца: Он любил своего отца и всегда восторгался им, а Наде это казалось странным. Как не знать, что в городе все считают отца Андрея очень богатым, скупым, хитрым, как не знать, [что он например] что он никогда не платит извозчикам, не платит прислугам (?) <несколько слов нрбр.> и об этом так любят говорить в городе! ни одна душа не говорит о нем хорошо, и как любят говорить об этом в городе, за двадцать пять рублей обвенчает кого угодно, готов на все!

^в Далее вычеркнуто: разговаривать

^г Далее вычеркнуто: своей

Надя, взглянув на нее, почему-то только теперь сообразила, что дзыгой в доме называют именно ее, бабушку. Вошел отец Андрей со своей улыбкой.

— Имею удовольствие и благодатное утешение видеть вас в добром здоровье, — сказал он бабушке, и трудно было понять, шутит это он или говорит серьезно.

IV

Ветер стучал в окна, в крышу, слышался свист, и что-то невидимое, суровое то жалобно напевало, то начинало рычать и бегать по саду. Был первый час ночи. В доме все уже легли, но никто не спал, и Наде все чувствовалось, что внизу играют на скрипке или смеется отец Андрей. Послышался стук, что-то упало на землю, и Наде показалось, что это сорвалась ставня. Через минуту послышались шаги, вошла Нина Ивановна в одной сорочке, со свечой.

— Что это застучало, Надя? — спросила она.

— Не знаю^а.

Мать, с большими глазами, бледная, с волосами, заплетенными в одну косу, с робкой улыбкой, в эту бурную ночь казалась старше, некрасивее, меньше ростом. Наде вспомнилось, как еще недавно она считала свою мать необыкновенной и с гордостью слушала слова, какие она говорила, а теперь никак не могла вспомнить этих слов; все, что приходило на память, было так слабо, не нужно.

Надя села в постели и вдруг схватила себя крепко за волосы и зарыдала.

— Мама, мама, — проговорила она, — родная моя!^б Прошу тебя, умоляю, позволь мне уехать! Умоляю!

— Куда? — спросила Нина Ивановна, не понимая, и села на кровать. — Куда уехать?

Надя долго плакала и не могла выговорить ни слова.

— Позволь мне уехать из города! — сказала она наконец. — Свадьбы не должно быть и не будет, пойми! Я не люблю этого человека... И говорить о нем не могу.

— Нет, родная моя, нет, — заговорила Нина Ивановна быстро. — Ты успокойся, это у тебя от нерасположения духа. Это пройдет. Это бывает. Вероятно, ты повздорила с Андреем, но милые бранятся, только тешатся. Спи!

— Ну, уйди, мама, уйди! — зарыдала Надя^в.

— Да, — сказала Нина Ивановна, помолчав. — Давно ли ты была ребенком, девочкой, а теперь уж невеста. В природе постоянный обмен веществ. И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой, и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня. Доживу ли я до того времени! Где там, едва ли! Ведь я умру от аневризмы.

Надя молчала, отвернувшись к стене. Нина Ивановна посидела немного и спросила:

— Что же ты молчишь?

Она подождала еще немного^г и встала.

— Что же? Ты не хочешь говорить с матерью? — сказала она обиженным тоном. — И не нужно, не говори. Послал бы мне бог поскорее смерть! И^д для чего я живу! Для чего я живу!

^а Далее вычеркнут абзац: Как будто с крыши железный лист упал. Какая буря, я даже боюсь.

^б Далее вычеркнуто: милая! <?>

^в Далее вычеркнуто: и укрывлась с головой <?>

^г Вместо вычеркнутого: минуту

^д Далее вычеркнуто: я умру. Так и знайте, умру!

Она всхлипнула^а и ушла к себе. Надя прислушалась, потом встала и пошла за ней. Казалось, что мать не расслышала или не поняла^б, иначе бы помогла советом, лаской... Да так ли это? И буря шумела на дворе, мешала соображать. Нина Ивановна уже лежала в постели, укрывшись голубым одеялом, и держала в руках книгу.

— Мама, выслушай меня! — проговорила Надя. — Я тебе все объясню, только выслушай меня, бога ради!^в Андрея Андреича я не люблю и не могу любить, не могу! Пойми, не могу! Раньше он нравился мне, пусть так, но теперь мне все ясно, я понимаю этого человека. Ведь он же не умен, мама! Господи боже мой! Пойми, мама, он глуп!

Нина Ивановна порывисто села и застучала босыми ногами о пол.

— Ты и твоя бабка мучаете меня! — сказала она, вспыхнув. — Я жить хочу! Жить! — повторила она и раза два ударила кулачком по груди. — Дайте же мне свободу! Я еще молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!

Она горько заплакала, легла и свернулась под одеялом калачиком, и показалась такой маленькой, жалкой. Надя пошла к себе, оделась и, севши у окна, стала поджидать утра. А кто-то со двора все стучал в ставню и напевывал...

^гБабушка жаловалась, что в саду ночью ветром посбивало все яблоки и сломало одну старую сливу. Утро было серое, тусклое, безотрадное, хоть огонь зажигай, все жаловались на холод, и дождь стучал в окна. После чаю Надя вошла к Саше и, не сказав ни слова, стала на колени в углу у кресла и опустила на него голову.

— Что? — спросил Саша.

— Не могу! — проговорила она и встряхнула головой. — Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! — продолжала она, глядя на Сашу большими воспаленными глазами; лицо у нее было бледное, тосщее. — О боже мой, еще немного и я, кажется, с ума сойду... я упаду!

Она опять склонила голову на кресло и продолжала, стараясь говорить тише, чтобы не услышали в зале:

— Жениха я презираю, себя презираю, бабушку презираю, маму презираю... Я погибла!

— Ну, ну... — проговорил Саша тихо и засмеялся. — Это ничего... хорошо. Значит, вам уехать надо... Ну, что ж!^д

И Саша опять засмеялся и начал притоптывать туфлями, как бы танцуя от радости.

— Чудесно, — сказал он, потирая руки. — Завтра, значит, вы поедете на вокзал меня провожать...^е Так... Я багаж ваш заберу в свой чемодан и билет вам возьму, и когда третий звонок, вы войдете в вагон, мы и поедем. Паспорт у вас есть?

— Есть, — сказала она, поднимаясь и поправляя волосы.^ж

— Хорошо... Так...

На глазах у нее заблестели слезы.

— ^зКлянусь вам, вы не пожалеете и не раскаетесь^н, — сказал Саша,

^а Вместо вычеркнутого: заплакала

^б Далее вычеркнута строка, оставшаяся неразобранной.

^в Далее вычеркнуто: торопилась она и сама не знала, о чем <?> говорить.

^г Вычеркнуто первое слово фразы: Утром

^д Далее вычеркнуто: Завтра утром вы уедете со мной, я довезу вас до Москвы, а там вы сами доедете до Петербурга. Что ж!

^е Далее вычеркнуто: так сказать

^ж Далее вычеркнуто: Давно уж есть

^з Вычеркнуто начало речи Саши: Мы живем в грубое невежественное время, надо идти за меньшинством, — сказал Саша, помолчав.

^н Далее вычеркнута первоначальная фраза: Уходите же учиться, и исправленная: Уведу вас, будете учиться.

помолчав. — Увезу вас, будете учиться, а там пусть вас носит судьба! И так, значит, завтра поедем?

— О да! Бога ради!

Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у нее тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придется страдать и мучительно думать, но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера.

V

Послали за извозчиком. Надя, уже в шляпе и пальто, пошла наверх, чтобы еще раз взглянуть на мать, на все свое; она постояла в своей комнате около постели, еще теплой, осмотрелась, потом пошла тихо к матери. Нина Ивановна спала, в комнате было тихо... Надя поцеловала мать и поправила ей волосы, постояла минуты две... Потом, не спеша, вернулась вниз...

На дворе шел сильный дождь. Извозчик с крытым верхом, весь мокрый, стоял у подъезда.

— Не поместись с ним, Надя, — сказала бабушка, когда прислуга стала укладывать чемоданы. — Оставалась бы дома. Ишь ведь дождь какой!

Надя хотела сказать что-то и не могла. Вот Саша, говоря что-то бабушке, которая стояла в дверях заплаканная и крестила отъезжавшего, подсадил Надю, укрыл ей ноги пледом. Вот и сам он поместился рядом.

— В добрый час! Господь благословит! — кричала с крыльца бабушка. — Ты же, Саша, голубчик, смотри, не пей в Москве!

— Да я не пью, бабуля!

— В Москве нельзя не пить! Сохрани тебя царица небесная!

— Ну, погодка! — проговорил Саша.

Надя теперь только заплакала. Теперь уже для нее ясно было, что она уедет непременно, чему она все-таки не верила, когда прощалась с бабушкой, когда глядела на мать. Прощай, город! И все ей вдруг припомнилось: и Андрей, и его отец, и новая квартира, и нагая дама с вазой, и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назад и назад. А когда сели в вагон и поезд тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось в комочек, и разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сих пор было так мало заметно. Дождь стучал в окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках, и радость вдруг перехватила ей дыхание, она вспомнила, что она едет на волю, едет учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить в казачество. Она и смеялась, и плакала, и молилась...

Проехав три станции, послали домой телеграмму. Потом Саша всю дорогу пил чай и говорил без умолку^а. Обыкновенно, напившись чаю, он начинал беседовать с пассажирами, с кондукторами, рассказывал смешное, ходил по вагонам, изумлялся и все говорил Наде, хватая себя за бока:

— Ну, публика, доложу я вам!

А потом опять принимался за чай. Даже под конец скучно стало.

На другой день перед вечером приехали в Москву. Саша около вокзала побранился с извозчиком и сильно закашлялся, и когда Надя, прощаясь, пожимала ему руку, то он никак не мог удержаться от кашля, был бледен, и говорил, что дорога утомила его. Он остался в Москве, а Надя поехала дальше в Петербург.

^а Вместо вычеркнутого слова: конца

VI

В Петербурге Надя получала почти каждый день телеграммы и письма; пришли деньги, посылка с платьем. В октябре не надолго приезжала Нина Ивановна; лицо у нее было виноватое, испуганное, как будто она ожидала, что Надя наругает ей или спросит, зачем она приехала.

— А я в Петербурге еще не была. Хороший город! — сказала она, как бы желая дать понять, что самое тяжелое, самое страшное уже пережито и что лучше не говорить обо всем этом.

Напившись чаю, она рассказала, что в то утро поджидали Надю до обеда и не беспокоились, но когда пришла телеграмма, то все поняли, все стало ясно^а, и бабушка упала, три дня лежала без движения и только стонала, а потом все молилась богу, плакала, воздевала руки (а горничные, глядя на нее, посмеивались) и с того времени как-то вся осунулась, приуныла и стала неправильно произносить слова.

— На тебя она не сердится, — рассказывала Нина Ивановна, — все ходит в твою комнату и крестит стены и твою постель. А в меня точно гром ударил. Я уже не та, что была.

Время она не отрывала глаз от Нади, точно только теперь узнала ее. За обедом ела много, а ночью не спала, лежала тихо. И так прожила дней пять и уехала.

^бПрошла осень, за ней прошла зима. Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери, о бабушке, о своей постели. Письма из дому приходили тихие, добрые, и казалось, все уже было прощено и забыто. В мае^в после экзаменов она поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей. Он был все такой же, как и прошлым летом, бородатый, с включенной головой, все в том же сюртуке и парусиновых брюках, но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел, и похудел, и все покашливал.

— Ах, вы приехали!^г — сказал он весело и засмеялся^д. — Боже мой, Надя приехала! Голубушка!

Посидели в литографии, поговорили, потом поехали в ресторан завтракать; он ел, много говорил и все покашливал, а она не могла есть и только со страхом смотрела на него, боясь как бы он не свалился здесь в ресторане и не умер.

— Саша, дорогой мой, — сказала она,^е — вы больны!

— Нет, я здоров.

— Сегодня же увезу вас к себе^ж. Непременно!

— Нельзя, — сказал Саша и засмеялся. — Я в будущем году к вам приеду, а теперь мы завтра едем на Волгу, я да еще тут один парень. Парень хороший, только из Санкт-Петербурга, вот беда! Говоришь ему, положим, что мне хочется есть, что я оскорблен глубоко, задавлен насилием, что мы вырождаемся, а он мне в ответ на это толкует о великом инквизиторе, о Зосиме, о настроениях мистических, о каких-то зигзагах грядущего — и это из страха ответить прямо на вопрос. Ведь ответить прямо на вопрос — страшно! Это все равно как при столпотворении смешение языков: один просит — дай топор, а другой ему в ответ — поди к черту.

Вместо вычеркнутого слова: понятно

^б *Вычеркнута первая фраза абзаца: Саша присылал письма, и буквы в них казались веселыми, танцующими.*

^в *Вместо вычеркнутого: В начале м(ая)*

^г *Последнее слово вместо вычеркнутого: из Санкт-Петербурга!*

^д *Далее вычеркнуто: Ну, что нового в вашем Санкт-Петербурге удивительном?*

^е *Далее вычеркнуто: но ведь*

^ж *Далее вычеркнуто: Поедемте*

Поговорили о Петербурге, о новой жизни, и Саша все приходил в восторг и радовался.

— Отлично, превосходно, — говорил он, — я очень рад. Вы не пожалеете и не раскаетесь, клянусь вам. Ну, пусть вы будете жертвой^а, но ведь так надо, без жертв нельзя, без нижних ступеней лестниц не бывает. Зато внуки и правнуки скажут спасибо!

Потом поехали на вокзал. Саша угощал чаем, яблоками, а когда поезд тронулся и он, улыбаясь, помахивал платком, то даже по ногам его видно было, что он очень болен.

Приехала Надя в свой город в полдень. Когда она ехала с вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими, а дома маленькими, приплюснутыми; людей не было и только встретился настройщик Швабе в рыжем пальто^б. Бабушка, совсем уже старая, по-прежнему полная и некрасивая, охватила Надю руками и долго плакала, прижавшись лицом к ее плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже сильно постарела и подурнела, как-то осунулась вся, но все еще по-прежнему была затянута, и бриллианты блестели у нее на пальцах.

— Милая моя! — говорила она. — Милая моя!

Потом сидели все трое и молча плакали. Видно было, что и бабушка, и мать чувствовали, что прошлое потеряно навсегда и безвозвратно, нет уже ни положения в обществе, ни прежней чести, ни права приглашать к себе в гости; так бывает, когда среди легкой, беззаботной жизни вдруг нагрянет ночью полиция, сделает обыск и хозяин дома, окажется, растратил, подделал — и прощай тогда на веки, легкая, беззаботная жизнь!

Надя пошла наверх и увидела ту же постель, те же окна с белыми наивными занавесками, а в окнах тот же сад, залитый солнцем, веселый, шумный! Она потрогала свой стол, постель, посидела, поплакала. И обедала хорошо, и чай с вкусными, жирными сливками. Вечером она легла спать, укрылась и все время улыбалась; почему-то было смешно лежать на этой теплой,^в очень мягкой постели. А будет ли стучать ночью сторож?

Пришла на минутку Нина Ивановна, села.

— Ну, как, Надя? — спросила она, помолчав. — Ты довольна? Очень довольна?

— Довольна, мама^г.

Нина Ивановна встала и перекрестила Надю и окна.

— А я, как видишь, стала религиозной, — сказала она. — Знаешь, и книжек уже не читаю.

— Отчего?

— Так. Не читается. Жизнь моя уже кончена, я так понимаю. Ну, спи, господь с тобой.

Она ушла.

— Тик-ток... — стучал ночью сторож. — Тик-ток, тик-ток...

На другой день вечером приходил Андрей Андренч, все такой же тихий, молчаливый, и играл на скрипке очень долго, с чувством, и Наде казалось, что ему больше уже ничего не оставалось на этом свете, как только играть. Он робко говорил Наде *вы*, но все еще^г любил и^д как будто не верил себе, своим глазам; вот, казалось ему, проснется, и все окажется сном...

^а Далее вычеркнуто: пусть личная жизнь ваша нехороша

^б Далее вычеркнуто: черная тошная собака жевала траву

^в Далее вычеркнуто: Конечно, когда я поступала на курсы, то думала, что достигла всего, уж не захочу ничего больше, а вот как походила, поучилась, то открылись впереди новые планы, а потом опять новые, и все как будто шире и шире, и кажется, нет и не будет конца ни работе, ни мечтам <?>

^г Далее вычеркнуто: надеялся

^д Далее вычеркнуто: чего-то ждал

Прошел май, начался июнь. Надя уже привыкла к дому. Хлопоты бабушки за самоваром, глубокие вздохи, Андрей Андреич, игра на скрипке по вечерам стали прискучать ей. Она ходила по саду и улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе все давно уже состарилось, отжило и все только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О если бы поскорее наступала эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза, сознавать, что ты прав, быть веселым, свободным! Будет же время, когда бабушкин дом, где все так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте, — будет же время, когда от этого дома не останется и следа, и о нем забудут, никто не будет помнить!

Пришло из Саратова письмо от Саши. Своим веселым, танцующим почерком он писал, что путешествие по Волге ему удалось вполне, но что в Саратове он прихворнул немного и теперь лежит в гостинице. «Замучил меня спутник, одолел! — писал он. — Жалуюсь ему на кашель, а он мне про великого инквизитора». А дня через три, утром Надя, сойдя вниз, застала бабушку в сильном горе: она плакала и не могла выговорить ни одного слова. На коленях у нее лежала телеграмма. Надя догадалась, не стала спрашивать... Она долго ходила по комнате, слушая, как плачет бабушка, потом взяла телеграмму, прочла^а. Сообщалось, что вчера утром в Саратове от чахотки скончался Александр Тимофеич, или попросту Саша. И представилось ей, как Саша лежит мертвый и на лице у него добрая, хитрая улыбка...

Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду, а Надя долго еще ходила по комнатам и думала. Ей стало вдруг скучно, томительно скучно, и она уже чувствовала, сознавала, что ей в этом городе нельзя оставаться, что она здесь одинокая, чужая, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут^б.

— Прощай, милый Саша! — думала она и впереди ей рисовалась жизнь трудовая, широкая, чистая.

Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром уехала.

Антон Чехов

Автограф. ЛБ, ф. 331, карт. 79, ед. хр. 1.

^а Далее вычеркнуто: Так и есть

^б Вместо вычеркнутого: здесь